

МИР ЗНАНИЙ И ЦАРСТВО ИНФОРМАЦИИ: НАРАСТАЮЩАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Ч.С. Кирвель

В статье показано, что современная информационная цивилизация, открывая неизвестные ранее возможности и перспективные пути развития, вместе с тем, таит в себе новые риски и глобальную опасность умственной деградации миллионов людей. Обосновывается мысль о том, что о негативных последствиях современной информационной революции необходимо не только говорить, но и реально им противодействовать.

Свершающаяся на наших глазах информационная революция являет собой фундаментальный сдвиг в характере и направленности развития современного социума. Всемирная паутина, пришедшая на смену Гутенберговой эпохе печатного станка радикально изменила архитектонику и уклад жизненного мира человека, открыла людям неизвестные ранее возможности. И тем не менее, говоря о позитивных достижениях информационной эпохи, важно не забывать и о том, что современная информационная цивилизация несет в себе не только раскрепощение и свободу, но и новые риски, в том числе риски психических заболеваний и отклонений от выдержавших испытания временем традиционных поведенческих норм, таит в себе глобальную опасность умственной и социальной деградации сотен миллионов людей. Поэтому о негативных проявлениях информационного общества, несмотря на все его бесспорные достоинства и перспективные тенденции развития, необходимо не только говорить, но и реально им противодействовать. В этих условиях разработка эффективных средств блокирующих обрушившихся на психику человека компьютерные технологии, которые оборачиваются нередко патологическим смещением, вплоть до замещения реального и виртуального миров в сознании личности и даже болезнями мозга, получившими «название неинфекционной пандемии эпохи перехода человечества к информационной цивилизации» [1, с. 90], приобретает особо важную значимость.

В своей действительности Интернет является искусственной средой функционирования сознания. И эта среда расставляет людям порой весьма опасные ловушки. Так, пользователи Интернетом постепенно, без особой саморефлексии и самооценки свершают переход из мира знаний, понимания, поиска смысла и истины в царство информации, в котором уже имеется великое множество готовой «пищи» для восприятия и использования. В результате труднодоступные и требующие для своего усвоения целенаправленных усилий знания подменяются виртуальным «двойником», обнаруживающимся в беспорядочном потоке видео- и аудиоинформации простым нажатием клавиш компьютера. Спрашивается, зачем тогда знания, если в сети без особого труда можно найти какую угодно информацию. «Психиатры и психологи называют этот чрезвычайно распространенный и более того набирающей силу в планетарном масштабе фантом эффектом Google. Человек с таким недугом уверен, что системные знания, получение и использование которых требует значительных интеллектуальных усилий, времени и средств, ему не нужны по

определению, ибо эту функцию человеческого мозга, гораздо успешнее выполняет за «него» Интернет. ... Тем самым, психика и личность индивида опасно отрывается от объективного (внешнего) мира, обуславливая патологический психологический эффект исторического и социального «беспамятства», постепенно формируя из него аутиста «без рода и племени», своего рода компьютерного бомжа, теряющего социальную сущность» [1, с. 95–96]. Оказалось, что Интернет с легкостью способен замыкать людей в «виртуальных мирах» где общение с фантомами становится предпочтительней, чем общение с людьми. Более того, Интернет, создавая иллюзию реального бытия в виртуальном мире, не просто закрепощает сознание человека, но и не редко погружает его в состояние духовно-нравственной самоизоляции и самоотречения от окружающей социальной среды. Отсюда вывод: наиболее значимым парадоксом информационных технологий является то, что их широкомасштабное использование превращает мир во все менее познаваемый. «Снижение познаваемости мира является ключевым выражением архаизации человечества, грозным признаком завершения линейного участка спирали общественного прогресса: технологический прогресс еще продолжается, но уже ведет к регрессу, а не прогрессу в социальной сфере – с соответствующим разрушением всей привычной нам прогрессистской в своей основе системы мировоззрения» [2, с. 40]. Существует определенная зависимость: чем больше массив информации обрушивается на голову человеку, тем труднее ему разобраться, понять и осмыслить что же происходит на самом деле в окружающем его мире. Причем, резкий рост объема информации явно превышает не только аналитические и обрабатывающие возможности среднего человека, но и возможности ее прямого восприятия. Все это, в конечном счете, нередко оборачивается утерей интереса к устройству мира, отказом от попыток самостоятельного осмысления происходящих в мире процессов, инфантилизмом и упрощением личности (что давно замечено, например, в США). При этом обнаруживается, что деструктивная информация характерная виртуальным коммуникациям не только не подконтрольна обществу, но и доступна индивиду в гораздо большем объеме, чем полезная и позитивно-созидательная. По некоторым данным, информация, так или иначе связанная с порнографией, достигает в компьютерных сетях 60 %. Кроме этого, одной из негативных черт информационного общества выступают трудности выявления достоверной информации из того информационного потока, который воздействует на сознание индивида. В реальности, растет количество неадекватной, порой совершенно бесполезной и даже откровенно ложной информации, тиражируемой современными СМИ, различными коммерческими изданиями, несоответствующей действительности рекламой, что не только препятствует проникновению в сущность происходящих событий, но и оборачивается деформацией духовного мира человека.

Еще одним негативным явлением, которое во многом порождено виртуальными коммуникациями, является разработка и использование информационных психотехнологий, от которых до зомбирования - один шаг. В итоге получается, что человечество благодаря современным

информационным технологиям незаметно и постепенно погружается в новую эпоху - *в эпоху всепланетарного обмана*. Происходит конструирование реальности средствами массовой коммуникации, которые начинают действовать в сознании людей как первопричина, нередко наделяющая действительность вымышленными характеристиками. Иначе говоря, свершается глубинная реструктуризация всей культуры, связанная с переходом от ее просветительской модели, от слова и мысли к экранной, массовой, развлекательной, зомбирующей.

Информационный взрыв, новые коммуникационные сети обернулись в наше время невероятным давлением на все человеческие органы чувств и уже сегодня становится очевидным, что большое количество людей живет под жестким и неосознаваемым ими информационным контролем. Российский исследователь М.Г. Делягин высказывает даже предположение том, что современная демократия в будущем, вероятно, «заменится жестокой информационной диктатурой, способной во многом оторвать людей от реальности и в значительной степени контролировать структуру потребностей (что касается общественных потребностей, такой контроль скорее всего будет полным). Некоторое предвестие подобной информационной диктатуры (по ее эффективности и тотальности) мы наблюдаем в настоящее время на погружающуюся в откровенное безумие Украину» [2, с. 49].

Возможности манипулирования сознанием миллионов людей оказались сегодня беспрецедентными. Утвердились технологии «промывания мозгов» с целью формирования нужного типа сознания, ценностных установок и стереотипов поведения людей и все это происходит на глобальном уровне. Как никогда раньше усилился контроль над общественной и личной жизнью людей. Сегодня есть все основания утверждать об информационном закоблении мира. Так, по свидетельству Э.Сноудена США следят более чем за миллиардом человек в пятидесяти странах, включая президентов, министров и глав крупнейших корпораций, фиксируя их звонки и местоположение, электронные письма, sms – сообщения. Красноречиво в этом смысле высказывание ярого русофоба З. Бжезинского о формировании «все более контролируемого и направленного общества, в котором будет господствовать элита..., освобожденная от сдерживающего влияния либеральных ценностей. Эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей (она уже не колеблется – Ч.К.), применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержание его под строгим надзором и контролем» [4, с. 47]. Естественно, в такой обстановке становятся совершенно неактуальными проникнутые социальным оптимизмом технократические проекты построения того или иного варианта светлого будущего, высокие надежды на достижения социальной гармонии и справедливости. Наверное в будущем человечеству придется приложить не малые усилия, для того чтобы отказаться от некоторых сегментов виртуальной реальности и вернуть людям их «интимное информационное пространство»

Из всего сказанного становится понятным почему в наше время исчезают великие политические деятели, и на их место приходят медиакраты. Неадекватность человеческого материала стало бесспорным фактом современности. Причем явление этого рода касается не только рядовых граждан, но и верхних слоев населения развитых стран. Хотя элите легче управлять оболваненным населением, но оболванивание как таковое по закону обратной связи бумерангом возвращается к самой элите. Насаждая в средствах массовой информации примитивную массовую культуру, элита сама, в конце концов, попадает в сети данной культуры. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить интеллектуально-духовные и волевые качества современных политических лидеров западных стран с их историческими предшественниками, в частности, Де Голлем, У. Черчиллем, Г. Рузвельтом. В результате, сегодня мы являемся свидетелями того, что даже важнейшие политические решения, принимаются людьми, соответствующими понятию «местечковых стратегов».

Не исключено, что с нами может случиться то, что произошло в свое время с Древним Римом и последующей за этим чередой «темных веков».

Если, к примеру, рассмотреть роль компьютерных технологии в образовании и профессиональной подготовки молодежи, то сразу же можно обнаружить, что данная роль явно неоднозначна.

Это проявляется, прежде всего, в том, что у учащейся молодежи (и не только учащейся), благодаря современным информационным технологиям, интенсивно и массово формируется клиповое мышление, т.е. «мышление в картинках», что на деле, как это ни парадоксально, означает масштабный регресс в мыслительной сфере - возврат к допонятийному, мифологически-образному мышлению, господствовавшему в архаические эпохи, доцивилизационный период развития человечества, в «доосевое» время.

Такого рода последствия применения компьютерных технологий в образовании позволяет многим исследователям говорить о наступлении своего рода эпохи новой иррациональности, о возвращении к дорациональным формам мироощущения, о ренессансе неомифологизма и мистицизма, о переходе от логоцентрического отражения мира к его восприятию в визуальных образах.

Бесспорно, негативным примером использования информационных технологий выступает и возникшая ныне у школьников, студентов, магистрантов возможность скачивать чужие тексты и выдавать их за свои собственные сочинения (рефераты, контрольные, курсовые и т.п.). В этом контексте можно говорить еще об одной беде: эпидемии тестов, подавляющих творческое, дивергентное мышление. Стандартизированные тесты требуют от ученика не воображения и умения самостоятельно мыслить, а хорошей памяти (вспомнить «правильный» ответ), элементарной обезьяньей сообразительности. «Привычка отвечать на вопросы, тыкая пальцами в клавиши, приводит к тому, что к нам приходят молодые люди, не умеющие говорить – высказать какую-то связную мысль для них невозможно, в лучшем случае – «да», «нет». Тесты полюбились детям, а значит, и их родителям, поскольку ученикам не нужно

самим строить познавательную ситуацию, не требуется обосновывать свои мысли. Формируется механическое, принципиально нетворческое, так называемое *конвергентное*, т.е. нацеленное на поиск одного ответа, мышление. В то время как отечественная традиция образования и воспитания всегда была рассчитана на формирование способности вести многовариантный поиск, который обеспечивается *дивергентным* типом мышления. Если мы хотим технических открытий и развития высоких технологий, то именно разные варианты решения той или иной задачи и нужно культивировать» [5, с. 89]. Увлечение тестами настолько стало всепроникающим, что уже даже некоторые проректора по учебной работе требуют перевести прием экзаменов по всем дисциплинам в режим тестирования. Это ли не технико-бюрократическое безумие? По-сути, объективно, такого рода «инновации», «модернизации» или «оптимизации» превращают в ненужное занятие приобретение студентами навыков научно-рационального творческого мышления.

Повсеместное насаждение тестов непосредственно связано и обусловлено процессом машинизации и компьютеризации образования. В своем пределе электронизация имеет тенденцию к исключению из образования живого человека (педагога), к превращению процесса обучения исключительно в автоматический. Нынешние компьютерные технологии, создав условия для эскалации перемен и ускорения «ритмов истории», все меньше оставляют места человеку в этом быстро меняющемся мире. Человек уже оказался вытесненным из многих сфер деятельности, которые реально рассматривались как познавательные и творчески интеллектуальные. Если прибегнуть к рассуждениям в духе философии постмодернизма, то можно сказать, что за «смертью автора» наступает «смерть педагога» и «смерть оратора-докладчика» (презентации делают излишними всякое ораторское искусство). Иначе говоря, чрезмерное насаждение современных информационных технологий в образовательную сферу оборачивается игнорированием личностного начала в образовании, ведет к обезличиванию преподавания, отдаляет учителя от ученика. Но ведь именно учитель или преподаватель и являются тем механизмом, который переводит общесоциальные цели в цели образовательного процесса. И делает он это не механически, а в зависимости от своих знаний, совести, понимания смысла профессии. Отсюда потребность думать, о том как сохранить нашу реальность человекомерной и человекообразной.

Наверное, в использовании информационных компьютерных) технологий (ИКТ) необходимо соблюдать принцип разумной достаточности. «Закономерный вопрос: – справедливо отмечает И. Минералова, – где заканчивается разумность и начинается ИКТ-безумство, во-первых, и кто и как определяет «меру», во-вторых? Вот тут-то и педагог-практик, и ученый-методист должны руководствоваться единственно целесообразностью, поскольку и в методике и технологиях все определяется ею» [6]. Например, в процессе преподавания философии нет никакой необходимости и целесообразности использовать электронные средства обучения в такой же мере, как, скажем, в начертательной геометрии, поскольку философские

понятия и категории не поддаются визуальному изображению. Философия – это сфера чистой мысли. Пусть кто-нибудь попробует визуально изобразить такие философские понятия, как, например, «антиномии разума» или «категорический императив» – посмотрим, что у него получится. В любом случае это будет полнейшая профанация учебного процесса по данной дисциплине. Поэтому вопреки существующим директивам выставлять в рейтинге высокие баллы преподавателям философии будет справедливо не за то, что они усиленно внедряют ИКТ в учебный процесс (а такой соблазн у некоторых преподавателей есть – ведь так намного проще), а за то, что они разумно воздерживаются от этого. В действительности, ИКТ в преподавании философских дисциплин имеют глубоко периферийное и вспомогательное значение. Да и вообще, исследования, проводимые учеными в ведущих вузах например, России свидетельствуют о том, что никакой значительной пользы в освоении преподаваемых дисциплин с применением ИКТ нет.

Технико-бюрократический подход, доминирующий ныне в организации образовательного процесса в ряде стран СНГ, основывается по преимуществу на количественных показателях. Последние создают иллюзию управляемости: чем больше показателей, тем выше управляемость. Качественно-содержательные характеристики почти полностью вытеснены из организации учебного процесса и процесса оценивания работы педагогов. Это особенно касается различного рода рейтингов, которые почему-то становятся необычайно популярными. Поскольку данные рейтингов считываются машиной, то правды на выходе, в сухом остатке – мало. Это и понятно: машина выдает лишь однозначные непротиворечивые ответы, а жизнь в своем существе противоречива и не поддается формализации. При этом такие рейтинги в большинстве своем не учитывают специфику факультетов, специальностей, кафедр выпускающих и не выпускающих, особенностей технических, общетеоретических, социогуманитарных дисциплин, уровень научности, социальную значимость и общественной резонанс публикаций вузовских ученых. Т.е. не учитывается все то, что не поддается формализации. Сегодня любой преподаватель-практик подтвердит, что, несмотря на все большую изощренность документации, сопровождающей учебный процесс, знания школьников и студентов становятся все хуже. Итог всего этого – нарастание расхождения между декларациями и реальными делами, между движением бумаг – инструкций, приказов, постановлений и т.п. – и действительной вузовской жизнью. «Симулякром», имитаций мероприятий, различного вида конкурсов «для галочки» становится все больше, а по-настоящему системной, всеохватывающей деятельности по повышению содержательного, качественного уровня образования и воспитания все меньше. Похоже, имитация – это печальная примета нашего времени и пресечь ее пока, к сожалению, не удастся. Причем нередко мероприятия «для галочки» сводятся к развлекательному жанру или к формальному участию в них.

Конечно, реформирование («оптимизация») образования происходит сегодня под влиянием целого ряда факторов. Но, по всей видимости, «на первое место среди них следует поставить коммерциализацию – фальсификацию целей

деятельности педагогических коллективов, осуществленную органами управления образованием. Вместо педагогической цели образовательным учреждениям навязана цель предпринимательская, коммерческая. Известно, что интеграция рыночных механизмов в деятельности различных социальных институтов имеет различные пределы. Превышение этих пределов приводит к перерождению самих институтов. Именно это и происходит сегодня со школой» [7, с. 26]. В течение вот уже более десяти лет проводятся у нас различные мероприятия по превращению системы высшего образования в «рынок образовательных услуг». Причем в основе аргументации такого рода реформ лежит лукавая демагогия о приближении образования к практике, об «образовательном прагматизме», как важнейших составляющих стратегий модернизации и инновационного развития общества. Однако разговор о предельном приближении непосредственно к производству, к практике жизни образовательных стандартов почему-то всегда увязывается с требованием узкой специализации и отказа от всякой фундаментальности вузовской подготовки специалистов. Специализация же это согласно данным информационным инициативам, по преимуществу достигается за счет фрагментаризации составляющей учебных планов, а также исключением из них дисциплин философско-мировоззренческого цикла. В реальности вся эта тотальная дегуманитаризация и дегуманизация образования создает в высшей степени благоприятные условия для превращения выпускников вузов из людей широко и глобально мыслящих, способных к свободному самоопределению профессионалов, в объект для беззастенчивых манипулятивных практик, в послушное орудие различного рода политических демагогов, «оппозиционеров», окултных пророков и т.п. Сориентированность на фрагментарное и эпизодическое – блокирует понимание целого, заслоняет восприятие целого, препятствует оценке событий с точки зрения их устроенности в общую картину мира, оборачивается диффузией ценностей и дроблением культуры. Раздробленное сознание, дискретность и фрагментарность отрывают молодежь от традиций своего народа, деформируют национальную и цивилизационную идентичность. При таком подходе высшее образование низводится до уровня ремесленного училища. В сущности, такой подход к высшему образованию основан на предельно упрощенном варианте философии прагматизма (выгодно то, что приносит сиюминутную выгоду). Данный подход вольно или невольно предполагает приспособление, «адаптацию к уже сложившейся системе мирохозяйствования. На самом деле образование футуристично по природе, оно должно быть направлено на подготовку новых поколений для будущего, поэтому по морально-психологическим установкам призвано носить опережающий характер по отношению к практике» [8, с. 81]. Но разве может образование при таком понимании его практикоориентированности носить опережающий характер по отношению к практике? Послать студентов для прохождения практики на заводы и фабрики, построенные в 50-70-х годах прошлого века – дело малопродуктивное: это позавчерашний и вчерашний день.

Современный выпускник университета должен быть не только человеком, сориентированным на «компетенции», обладающим лишь мозаичным, «фрагментарным», «лоскутным» сознанием, превращающим его в легкую добычу манипуляторов, но и личностью, достигшей в своем развитии высокого общегуманитарного культурного уровня и глубокой теоретической подготовки в своей профессиональной области. Замечено, что именно такого типа выпускники университетов «весьма динамичны, они улавливают новые возможности пограничных ситуаций и могут в них успешно работать, принимая разумные решения. Они могут формулировать идеи даже в тех плоскостях, перед которыми люди с мышлением замкнутого характера, как правило, останавливаются. Главные достижения современной цивилизации сотворены личностями, обладавшими такой универсальной культурой [9, с. 78]. Верно кто-то сказал, что для того чтобы появилось инновационное общество должен сначала появиться Аристотель.

В наше время общее состояние культуры нации в решающей степени определяется системой СМИ. Причем, влияние СМИ на умы людей и культуру в целом неуклонно возрастает и достигло к настоящему времени беспрецедентных масштабов. В ряде случаев СМИ приобретают доминирующее воздействие на духовные и социальные процессы современности, перевешивают воздействия прочих факторов, вместе взятых. В первую очередь, это касается телевидения. Так, современное телевидение прежде всего российские, вообще не несут никакой ответственности за психологическое и воспитательное влияние на граждан, формирование духовно-нравственной атмосферы общества и развития культуры в целом. Неудивительно, что все научные исследования качественных характеристик населения, проводящиеся в России, в последние годы констатируют стремительный регресс по основным параметрам. Особенно далеко зашли процессы дебилизации среди школьников и молодежи. «Ректоры и профессора вузов практически повсеместно бьют тревогу: уровень общекультурной подготовки абитуриентов не позволяет готовить специалистов на прежнем уровне. Работодатели столь же повсеместно сетуют на недостаток квалифицированных кадров. Данные социологических исследований последних лет однозначно фиксируют рост иждивенческих настроений молодежи, массовую потерю мотивации к учебе, саморазвитию» [10, с. 169].

Игнорирование воспитательной функции СМИ «привело в последние годы в России (и не только в России) к возникновению феномена, который специалисты называют *«понижающей селекцией»* – своего рода воспитание со знаком «минус», когда в человеке возвращается, культивируется все низменное, антигуманное. Систематическая апелляция к первобытным животным инстинктам, задействие обычно подавляемых культурой дремлющих механизмов подсознания деструктивно влияют на личность человека. Современные СМИ формируют новый тип личности, стоящий на эволюционной лестнице на несколько ступеней ниже типичного человека советской эпохи.

Российский литературный критик, К. Кокшнева в статье «О сбережении человека» предлагает создать ЦДК – центры диктатуры культуры «чтобы в них была поддержана и финансировалась государством программа «Классика» (классика – это культурный фундамент единства нации), чтобы в них создавались *человекоберегающие культурные технологии* (а значит, существовали бы эстетические и этические фильтры, поддерживающие вкус к личностной подлинности, целостности, нравственности, воле)» [11, с. 180]. Ряд других авторов – Е. Нефедов, В. Винников, А. Смирнов, Д. Туманов, А. Фифилов считают, что решением этой задачи должен стать своего рода модернизационный суперпроект, имя которому – *новая информационная политика*. Лишь она будет в состоянии покончить с завалами низких смыслов, с гоготом шутов и хохмачей, конвейером примитивных шоу, выворачивающих наизнанку человеческую жизнь. Напротив, ее задачей станет трансляция смыслов, возвышающих человека, апелляция к трансцендентному, демонстрация сил и возможностей страны, преодоление привитого народу синдрома неудачника, уязвленного исторического сознания, «комплекса вины» и «комплекса неполноценности». Новая информационная политика будет базироваться на философии общего дела, ее истинной заботой станет идея возвышения России, героизация повседневной жизни, апология труда и патриотизма, реализация оздоровительных и мобилизующих программ [12]. Тут есть о чем подумать и нашему Министерству информации.

Следует признать, что любые попытки оправдать работу СМИ, оборачивающейся «понижающей селекцией», свободой слова являются вульгарной демагогией, поскольку само понятие свободы предполагает самоограничение, основанное на признаваемой обществом морали. «Свобода от морали – это аморальность, пресечение которой в любых ее появлениях является одной из важнейших обязанностей государства» [10, с. 171-172].

Вообще, свобода сложный многозначный феномен. Свободой важно уметь правильно распоряжаться. Сегодняшние либералы, в отличие от истинных, классических либералов, отделили понятие свободы от ответственности, совести, стыда и вины. Им характерно стремление к отмене всяких правил и ограничений в поступках человека. В реальной практике жизни это оборачивается заменой внутренних, моральных основ человеческого поведения внешними, формальными, а действие всяких сдерживающих норм и правил ослабляется. Тем самым активизируется «темная» сторона человеческой породы, всякого рода разрушительные потенции, таящиеся в глубинных пластах человеческой психики. «Свобода становится «даром данайцев» [15, с. 236]. Нецивилизованное понимание свободы, ее избыточность создали благоприятную почву для формирования нового типа личности, квалифицируемой психологами как *«развязно-агрессивный»*. Основные характеристики подобного типа личности – «демонстративная грубость, наглость и агрессивность, «принципиальная беспринципность», презрение к общепринятым нормам, в первую очередь к нормам морали, ориентация на законы криминального мира, неуважение к старшим по возрасту и по статусу, публичный мат и др.» [14, с. 20]. В более общем плане можно говорить о

странном состоянии «избыточной свободы», что и сформировало новый тип личности, обозначаемый психологами как развязно-агрессивный. Следует заметить, что псевдолиберальное понимание свободы как лишенной внутренних ограничений пустило глубокие корни в школьной и вузовской молодежной среде. Поскольку школа по необходимости накладывает различные ограничения на поведение подростков, то нередко между школьниками, для которых ложное понятие свободы стало высшей ценностью, и их учителями разворачивается настоящая война. В сегодняшней российской действительности примеров тому множество.

В Республике Беларусь «развязно-агрессивный» тип личности пока еще не получил такого широкого распространения, как в России. Однако, тенденция такого рода просматривается и в средних школах, и в ВУЗах. Отсюда – потребность пресечь тенденцию данного рода.

Обратим внимание еще на одну проблему: сегодня мы сталкиваемся с низким качеством обучения студентов еще и потому, что уровень образования и наличие дипломов практически мало связаны с уровнем доходов человека. Ныне, «полностью отсутствует положительная динамика зависимости между качеством образования и личным успехом в жизни. Скорее наоборот, эта зависимость отрицательна. Личные связи и неразборчивость в средствах – основные способы для достижения успеха. Что касается образования, то нужны не знания, а справка об образовании, диплом. Причем неважно какой. Дипломированные неучи делают карьеру быстрее и успешнее, чем хорошо обученные профессионалы» [15, с. 113]. Поэтому одним из факторов качественной деградации высшего образования является то, что «студенты изначально знают: знания как таковые им для будущей деятельности и «карьеры» не нужны, а поэтому они часто сами провоцируют замену реального обучения коррупционным обменом. Вследствие этого сам «образовательный процесс» приобретает откровенно имитационный характер, что имеет крайне деструктивный характер уже не только по отношению к самой системе образования и к сфере трудовой этики молодежи; он стимулирует формирование паразитического, безответственного образа жизни. Возникла целая субкультура индивидов из числа, как молодежи, так и людей среднего возраста, которые не привыкли к реальному труду, а многие и сознательно не хотят работать» [16, с. 42].

Сегодня у студенческой молодежи складывается новый стереотип в отношении того, как им преподаватели должны читать лекции и проводить семинарские занятия. Согласно им, преподаватели должны уметь их развлекать с целью получения ими как можно больше удовольствия от времяпровождения на занятиях. Для них, поэтому тот преподаватель лучший, кто может поднять им настроение и ввести их в состояние эйфории, который по сути дела, отдает предпочтение в своих лекциях не углубленному сущностному, а внешнему и броскому, а стало быть, поверхностному изложению материала. Ориентация современного молодого человека на поверхностность и облегчение во всем просто поражает. В таких условиях наполнить голову студентам знаниями весьма затруднительно. В этой связи вполне резонно ставит следующие

вопросы белорусский исследователь Т.И. Шамякина: «До каких пор население будет ценить не внутреннюю сущность человека, а внешнюю упаковку? Сколько времени может просуществовать такое ориентированное на *поверхностность* во всем, общество?» [17, с. 96].

В действительности учеба это тяжелый труд. Так было в прошлом, так должно быть и ныне. Нельзя не учитывать тот очевидный факт, что любая система воспитания «предполагает не только «пряники», но и «кнуты», разумные запреты и ограничения и действенные санкции за их нарушения. Студент должен приходить в высшее учебное заведение трудиться, а не развлекаться и кайфовать. Если же этого в реальности не будет, то весь учебный процесс станет неэффективным и поверхностным, а выпускники вузов явят собой сверхслабых специалистов и не будут соответствовать своему предназначению. Правильно гласит народная мудрость: «Праздный мозг – мастерская дьявола».

Происходящая ценностная девальвация высшего образования обусловлена, наряду со всем прочим, резким падением базового уровня культуры постсоветских поколений. И этот последний «факт отнюдь не является аномалией и представляет собой часть более общего цивилизационного явления, которое можно определить как *вторичную варваризацию* – утрату новейшими поколениями культурных навыков, еще недавно бывших совершенно естественными и само собой разумеющимися у их ближайших предков» [16, с. 42]. Украинский исследователь В.Ю. Даренский в своей статье «Ресурс развития или фактор деструктивности? О проблеме социальной избыточности высшего образования» главную причину этой вторичной варваризации справедливо усматривает в формировании «потребительского общества», в котором стало избыточным все, что выходит за рамки индивидуалистического прагматизма и потребительских вожделений. Он пишет: «Налицо не просто некая аномия, связанная с «переходным периодом», но фундаментальный факт цивилизационного масштаба. Речь идет о том, что под официальной вывеской «общества знаний», «информационного общества» и прочих изобретений нынешнего «министерства правды» в реальности происходит совершенно иной процесс – быстрое становление *цивилизации примитива*, в которой основная масса населения живет псевдоценностями потребительства, вседозволенности и бессмысленных развлечений. Для такой «цивилизации» знания не только не нужны, но и более того – они для нее вредны, поскольку могут разрушать тот пустой и примитивный жизненный мир, который она создает для основной массы людей» [16, с. 43].

Нельзя не признать, что на большой шкале исторического времени любое государство может существовать только тогда, когда оно в достаточной мере будет производить традиционный «непотребительский» тип человека, обладающий способностью к бескорыстному дарению и осмысленному критически творческому прочтению действительности. Но этот «непотребительский» тип человека загнан сегодня в глубокую периферию социального бытия. Напротив, мы сегодня стали свидетелями все более явной тенденции формирования человека, концентрирующего всю свою энергию на

реализации какого-либо частичного момента человеческого бытия. Оказалось, что самым удобным человеком для управления является человек-функция, «частичный» человек, человек-потребитель, человек- «кочевник», человек-космополит, человек- «перекати-поле», человек, лишенный укорененности в традиции, человек, доминирующим стремлением которого является желание «хлеба и зрелищ». В сущности, это «общечеловек», у которого оборваны связи с природным и культурным космосом своего народа, утеряна память ландшафта и память предков, видение высших небес и ощущение земной почвы, атрофирована потребность в высокосложном и уникальном. Из божественного микрокосма – существа духовного и беспредельного – он превратился в «человека-функцию», неорганическое и ограниченное болезненно-невротическое существо, смысл личного бытия которого – чувственно-эмоциональные удовольствия, потребление и телесный комфорт. Это небывало упрощенный человеческий тип, абсолютно неспособный мобилизоваться перед лицом надвигающихся на человечество угроз и опасностей.

Культивирование такого типа индивидуумов – свидетельство того, что пропагандируемое и формируемое глобальное мегаобщество не заинтересовано в возвышении человеческой личности, в ее качестве. Мы ведь видим, что нынешняя глобализация осуществляется не в интересах всего человечества, его возвышения и облагораживания, а в локально-сепаратных, корпоративных интересах относительно узкой группы людей. Мы не можем также не заметить, что в процессе реализации глобального проекта овладения миром происходит не развитие, а примитивизация человека, что «выбраковываются» не «низкие», а «благородные мужи», не злые, жестокие, коварные, эгоистические, а честные, самоотверженные, добрые люди. А выбраковываются они, потому что оказываются органически не приспособленными к условиям современности, подчиненным бесчеловечной, всепроникающей и всеподавляющей силе закона самовозрастания капитала.

Отсюда настоящая потребность для России и близкородственных ей Беларуси и Украины культивировать традиционный «непотребительский» тип человека. Именно такой тип человека необходим для возрождения народа и государства, и всего пространства русского мира.

В целом все эти только что означенные нами процессы обусловлены сущностной особенностью современной цивилизации, постулирующей приоритет внешнего над внутренним, материального над духовным. Переживания и духовные качества человека ныне растеряли свою значимость. Важными и интересными сегодня стали его статусные роли и достижения: где работает, сколько получает.

Вообще, что касается образовательных практик, то сегодня к ним у глобального управляющего класса (глобократии) сложились весьма специфические, нетрадиционного характера отношения, своего рода алгоритм: с одной стороны – понижение до предельного уровня всякого массового образования с целью формирования однообразной массы ориентированных на, гедонизм и телесные удовольствия, эгоистических индивидов-потребителей,

управляемых рекламой, и с другой – «концентрация элитарного образования в двух процентах учебных заведений Запада, где запрещена тестовая система, где нет никаких упрощений» [18, с. 140-141]. При этом как отмечает российский исследователь А. Фурсов, в понижении уровня массового образования Запад преуспел в значительно большей степени, чем мы. «Достаточно сравнить даже наши сейчас сильно ухудшенные по сравнению с советским временем учебники с американскими, американской школой, скажем 9-11 классов, чтобы зафиксировать этот тезис» [18, с. 141].

Что мы видим в сухом остатке? В результате реформ образования, осуществляемых в течение всего постсоветского периода, были в значительной мере утрачены многие нормы и ценности (стремление к справедливости, совесть, сопереживание, сострадательность, способность к бескорыстному дарению, терпимость, готовность к активному труду, братство, коллективизм). Так вместо прочных социальных связей сформировался индивидуализм. Индивидуализация личности усиливает конкурентную борьбу, обостряет конфликты, нередко приобретающие экстремальные формы.

Все здесь сказанное показывает, насколько важным и необходимым является контроль со стороны общества и граждан за процессами социального, нравственного и профессионального становления подрастающего поколения в условиях современных виртуальных коммуникаций.

Не случайно сегодня все больше и больше авторов пишут о «религии прогресса», «тирании прогресса», о потребности формировать к нему избирательное отношение. В реальности прогрессу всегда сопутствует антипрогресс. В человеческой истории всяким достижениям и успехам сопутствуют потери и неудачи. Далеко не всякое движение вперед, от старого к новому «прогрессивно». К сожалению, в наше время новое все чаще и чаще выступает не в виде чего-то позитивного и полезного, а, наоборот, как нечто негативное и опасное, несущее людям неизвестные ранее угрозы, риски и вызовы.

В наше время, как считают некоторые авторы, в частности, Н. Иртенина, многие народы и страны стоят перед необходимостью ограничения «культурной» экспансии Запада и введении своего рода культурной автаркии [19, с. 72]. Духовная автаркия, с их точки зрения, подразумевает самостояние – самодостаточность, цивилизационную твердость, возвращение своего и жесткое отфильтровывание неприемлемого чужого, преобладание «культурного» экспорта над импортом. В немалой мере это касается и образовательной политики. Модернизация и реформирование системы образования в нашем обществе должны осуществляться с опорой на свои отечественные традиции, механическое и слепое заимствование чужого опыта вряд ли будет результативным. В реальной практике насильственное встраивание казалось бы, превосходных западных педагогических образцов в образовательные системы восточно-славянских стран, искусственное навязывание им различного рода «инновационных технологий», способствует

лишь ухудшению существующего положения дел. Подражание не может быть источником вдохновения и полноценного развития.

Список литературы

1. Андреев, И.Л. Сознание человека в электронном лабиринте его бытия / И.Л. Андреев, Л.Н. Назарова // Вопросы философии. – 2015. – № 12.
2. Делягин, М.Г. Что мы не знаем? / М.Г. Делягин // Свободная мысль. – 2015. – № 1.
3. Ларина, Е. Кибервойны XXI века. О чем умолчал Эдвард Сноуден / Е. Ларина, В. Овчинский. – М.: Книжный мир, 2014.
4. Неклесса, А.И. Конец эпохи большого модерна / А.И. Неклесса / Постиндустриальный мир и Россия. – М., 2001.
5. Шамякина, Т.И. Проблемы образования с позиций филолога / Т.И. Шамякина // Социология. – 2014. – № 1.
6. Минералова, И. Прогресс подлинный и мнимый / И. Минералова // Лит. газета. – 2014. – № 6.
7. Запесоцкий, А.С. Философия образования и проблемы современных реформ / А.С. Запесоцкий // Вопросы философии. – 2013. – № 1.
8. Хведченя, Л.В. Природа кризиса в образовании / Л.В. Хведченя // Социология. – 2014. – № 1.
9. Берков, В.Ф. Опасный рубеж в модернизации сферы социально-гуманитарного образования / В.Ф. Берков // Социология. – 2012. – № 3.
10. Запесоцкий, А.С. Четвертая власть / А.С. Запесоцкий // Москва. – № 12.
11. Кокшнева, К.А. О сбережении человека / К.А. Кокшнева // Москва – 2009. – № 1.
12. Винников, В. Вопросы сталинизма – 2 / В. Винников, Е. Нефедов, А. Смирнов, Д. Туманов, А. Фефилов // Завтра. – 2009. – № 51(839).
13. Картунов, С.В. Национальная идентичность: постижение смысла / С.В. Картунов. – М. – 2009.
14. Юревич, А.В. Дар данайцев: феномен свободы в современной России / А.В. Юревич // Вопросы философии. – 2010. – № 10.
15. Шарыгин, И. Образование и глобализация / И. Шарыгин // Новый мир. – 2004. – № 10.
16. Даренский, В.Ю. Ресурс развития или фактор деструктивности? О проблеме социальной избыточности высшего образования / В.Ю. Даренский // Свободная мысль. – 2014. – № 5.
17. Шамякина, Т.И. Воспитание студенчества в образовательном процессе / Т.И. Шамякина // Социология. – 2015. – № 3.
18. Утрата определенности: очертания посткризисного мира (Седьмое заседание интеллектуального клуба журнала «Свободная мысль») // Свободная мысль. – 2014. – № 6.
19. Иртенина, Н. Почему Вавилон не пройдет / Н. Иртенина // Политический журнал. – 2007. – № 25/26.

*Кирвель Чеслав Станиславович, заведующий кафедрой философии,
Гродненского государственного университета имени Янки Купалы доктор
философских наук*